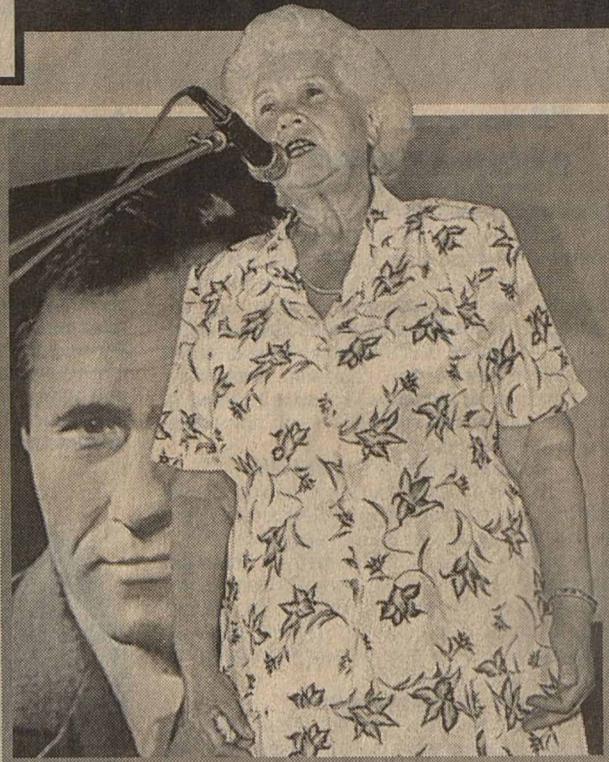

ЮБИЛЕЙ

Василий Шукшин... Кто он? Артист? Режиссер? Писатель? Все верно, только с приставкой "великий". А еще и человек, и совесть, и душа... Тоже великие. Завтра Василию Макаровичу исполняется 75 лет. На его родине — в небольшом алтайском селе Сростки — соберутся почитатели таланта, земляки, друзья. Ему поставят памятник — Шукшин на камушке: как будто присел ненадолго и вот-вот пойдет дальше по земле русской, которую знал как никто.

Мы нашли в Бийске самого близкого ему человека — младшую сестру писателя, Наталью Макаровну Шукшину, по мужу Зиновьеву. Она на два года моложе брата, всю жизнь проработала учительницей, сейчас на пенсии.

ВАС. МАК., ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Шукшин не пил семь лет

Шукшин — это псевдоним?

— Наталья Макаровна, каким брат был в детстве?

— Обыкновенным мальчишкой, как и все наши деревенские пацаны. И озорничал так же, и по огородам мог пройтись по чужим.

— А среди ребят ходил в лидерах или, наоборот, его поколачивали?

— Я не скажу, что он был какой-то там лидер. Нет, их, друзей, было пять человек — вместе играли в бабки, в лапту, мяч гоняли. Больше всего любил, наверное, рыбалку.

— Время было тяжелое, голодное... Подворовывали ребятишки?

— У нас коровка была Райка, которая круглый год давала по три литра молока. Огородик небольшой. А питались... Сейчас вспомнишь и подумаешь: а может, и выжили потому, что питались всякими травами.

— Когда писать начал, помните?

— Когда учился в техникуме — лет в 14—15. Пытался писать, но никому никогда ничего не говорил. Я лично два рассказа его отослала сама — в Москву, в журнал "Затейник".

— И напечатали?

— Ой, тут история такая! Я-то отослала, но ведь в школе мы учились под фамилией Поповы.

— Шукшин — это псевдоним?

— Ни в коем случае. Попова — это мамина девичья фамилия. Потому что отец наш — Шукшин — был репрессированный, и она не хотела, чтобы мы были Шукшины. Так вот, на бандеролях, что я отправляла в Москву, обратный адрес Вася писал: Шукшину Вас. Мак.

Но вот какое дело — у нас в деревне был водовоз — тоже Шукшин Василий, но Максимович. Тоже, значит, Мак. А поскольку Васи в селе не было (он уже учился в техникуме), то письма с ответами отдавали водовозу. И в одном разговоре он рассказал, что ему из Москвы какие-то письма все идут. Его спрашивают: "Какие письма, куда ты их девашь?" А он отвечает: "Да бумага-то ведь тоненькая — я ее и искурил!"

— То есть вы даже не знаете, что в письмах?!

— Абсолютно! И он тем более не знал.

— А сам-то Василий Макарович с какого возраста закурив?

— Ну где-то лет с 14—15, но он всегда меня боялся: вот я у мальчишек была лидером. И он сигарету прятал под фуфайку в рукав, чтобы я не увидела.

Неизвестная Мария

— Сколько лет Василий Макарович прожил с первой женой — Марией Шумской?

— Три дня.

— Как это — три дня? Может, три месяца или три года?

— Да нет, говорю вам, три дня. Маша, она ведь была наша, сельская. Зарегистрировались, и после трех дней Вася уехал в Москву.

— И больше не вернулся?

— Нет. Все. Разошлись.

— Почему так, неужели он вам не рассказывал?

— Это очень личное дело. Я все знаю, но не буду на весь свет объяснять. Категорически. Мы с Марией в добрых отношениях. Хорошая она женщина, красивая была девочка.

— Так, может, она другого полюбила?

— Нет. Но вы у меня не допытывайтесь, ни за что не скажу. Детей у них не было. Нет, и никаких отношений они больше не поддерживали. Виделись, конечно. Ну и все.

— Когда ваш брат стал знаменитым, он помогал вам?

— Очень. Мой-муж умер в 33 года, осталась я с пятилетними ребятишками — у меня двойня: сын и дочь. И Вася взял на себя обязанность помогать — одевал, обувал их. Потому что я работала в школе, зарплата, сами знаете, какая у учителей.

— В деревне обычно мужики прижизненные — как Василий Макарович к деньгам относились?

— Прижизненным никогда не был. Деньгами не разбрасывался, но, когда приезжал, всегда подарки нам и тетушкам привозил.

— У Василия Макаровича одно время были проблемы с алкоголем. Вы, как сестра, переживали?

— Он закончил всю выпивку в тридцать семь лет — как только родилась Маша. Сразу — наотрез, ни грамма. И не пил семь лет. Это болтают больше, что он сильно пил. Когда пить — он же работал: сколько написал, сколько фильмов снял... И что значит сильно? Сильно — это когда алкоголик.

Он умирать не собирался

— Какой он был по характеру?

— Если одним словом, то — добряк. Очень болезненный человек — в смысле болеет душой закого-то. Ко всем был приветлив,

никогда никому не отказывал, если пришел человек. Вот, бывало, он придет, ребятя бегит к нему. А мы прогоняем от дверей: не мешайте! Если только он услышит, то сразу выходит к ним: "Ну что, братва, пошли?"

— Вы в Москву приезжали к брату?

— Да, и в Свиблово, и на улицу Бочкова.

— С Лидией Николаевной ладили?

— Хорошие отношения у нас были, и сейчас хорошие.

— А вот в Москве многие ее упрекают: мол, память о Василии Макаровиче не сберегла...

— Личную жизнь ее не знаю — как я могу судить? Знаю одно: когда приезжаю в Москву, ко мне очень доброе отношение как было, так и осталось. Они приезжали в Бийск с Машей, так моя внучка даже удивилась: "Баба, да какие же они простые!" Лидия Николаевна — обстоятельный человек, мы с ней в добрых отношениях. Я ее абсолютно ни в чем не виню.

— Василий Макарович очень ее любил?

— У! Вопрос какой!.. Он мне не докладывал. Приедет, а мне бы только на него наглядеться — буду я спрашивать, как он жену любит! Он никогда про свою семью, про распри с Лидушей не говорил — не тот человек!

— Значит, закрытый человек Шукшин?

— Не скажу, что открытый, — человек в себе был. Вот в книжках он более откровенный, чем в жизни. Почему? В книжках в основном была жизнь деревни. Рассказать об этом для него просто — он прекрасно знал ее специфику, язык, очень любил поговорить с людьми. Потом все удивлялись: ну надо же — меня обо всем расспросил, а сам молчит.

— Вы помните самый первый успех брата в кино?

— В кино я первый раз его увидела в фильме "Два Федора".

— И как — понравилось?

— Это вопрос не ко мне. Критик в отношении брата я очень плохой — мне все у него кажется хорошо. А соседи? Радовались, конечно, за земляка. Нет, вот гордиться в деревне не принято. Ведь Вася вырос у нас на глазах — так какая может быть гордость?..

— Когда вы виделись с братом в последний раз?

— Последний раз мы встречались в 72-м году. Это было по весне. Приезжал не просто отдохнуть, а пописать в тишине, в покое. Он всегда собирался пожить дней десять, но обязательно какие-то звонки, телеграммы — вызывают, значит, его на работу. Он жил не у меня в доме, а у мамы. Он всегда писал всю ночь, до самого утра.

— Что он на прощанье сказал вам? Никаких у нас предчувствий не было?

— Да разве мы думали, что прощаемся? Ему было 44 года — ясно, что ни о чем таком не думали. Он умирать не собирался.

— А вот Маша, дочь его, считает, что отца убили.

— Да вы что, о чем вы! Я в это никогда в жизни не поверю. Достоверных фактов никаких нет, абсолютно. Он всю ночь ходил по палубе! Другое дело, что там не было даже медсестры. Когда с сердцем стало плохо, дали ему корвалол, но, видимо, он не помог для такого случая. Все же видели, как он пришел в каюту и лег. Уж если убивать, сделали бы это на палубе. Нет, я в это не верю!

Марина РАЙКИНА,
Людмила ДИКУЛЬ.